

Герман Банг

У дороги

Герман Банг

У дороги

1886

Банг Г.

У дороги / Г. Банг — 1886

Содержание

1	5
2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Герман Банг

У дороги

1

К приходу поезда начальник станции надел форменную тужурку.

– Эх черт! Поспать бы еще четверть часика, – сказал он, потянувшись. Он и сам не заметил, как вздремнул над отчетами.

Он раскурил погасшую сигару и вышел на платформу. Когда начальник станции прохаживался по платформе, – молодеватый, руки в карманы, – в нем все еще чувствовался бывший лейтенант. Да и ноги сохранили кавалерийскую кривизну.

Пять или шесть батраков из окрестных усадеб стояли, заняв всю середину платформы; стрелочник тащил предназначенный для погрузки багаж – один-единственный ящик зеленого цвета, выглядевший так, точно он недавно побывал в канаве.

Рванув калитку, на платформу вышла пасторская дочь, девушка гренадерского роста.

Начальник станции шелкнул каблуками и отдал честь.

– Что нынче привело сюда фрекен? – осведомился он. «При исполнении обязанностей» начальник станции всегда придерживался тона, каким в былые дни изъяснялся на офицерских балах, когда еще служил кавалеристом в Нестведе.

– Решила прогуляться, – ответила дочь пастора.

Разговаривая, она как-то странно взмахивала рукой, словно хотела прихлопнуть собеседника.

– А впрочем, сегодня возвращается фрекен Абель.

– Как – уже?

– Да.

– И по-прежнему никакого просвета на горизонте? – Начальник станции поиграл в воздухе пальцами правой руки. Пасторская дочь рассмеялась.

– А вот и семейка пожаловала, – сказала она. – Я воспользовалась случаем и улизнула от них...

Начальник станции поклонился дамам Абель – вдове и ее старшей дочери Луисе. Их сопровождала фрекен Иенсен. На лице вдовы была написана покорность судьбе.

– Да, – сказала она, – я пришла встретить мою Малютку-Иду.

Вдова попеременно встречала то Луису, то Малютку-Иду. Луису весной, Малютку-Иду – осенью.

Дочери проводили по полтора месяца в Копенгагене у тетки. «Моя сестра, статская советница», – говаривала фру Абель. Советница жила на пятом этаже и пробавлялась тем, что раскрашивала аистов, – каждый аист стоял на одной ноге на подставке из терракоты. Фру Абель посылала дочерей к сестре с неизменными пламенными надеждами.

Она посылала их к ней вот уже десять лет кряду.

– Ах, какие письма писала нам в этот раз Малютка-Ида!

– О да! – поддакнула фрекен Иенсен.

– И все-таки самое отрадное, когда твои птенчики дома, под материнским крылом, – сказала фру Абель, умиленно посмотрев на Луису-Старшенькую. При этой мысли фру Абель даже утерла слезу.

Полгода, что птенчики проводили дома, они только и знали, что бранились между собой и пришивали новые отделки к старым платьям. С матерью они вообще не разговаривали.

– Разве мы выдержали бы в этом медвежьем углу, если бы не семейные радости, – сказала вдова...

Фрекен Иенсен кивнула.

За поворотом у трактира раздался собачий лай, и на дорогу выехала коляска.

– Это Кьер, – сказала дочь пастора. – Что ему тут понадобилось? – Она пошла к калитке в конце платформы.

– Нет, вы только подумайте! – Владелец усадьбы Кьер вылез из коляски. – Самая страда, а Мадсен свалился в тифу. Пришлось по телеграфу вызывать нового управляющего – черт его знает, еще окажется какой-нибудь болван... Сегодня должен приехать...

Кьер вышел на платформу.

– Говорят, кончил высшую сельскохозяйственную школу, – кабы только это пошло ему впрок, – да еще будто с наилучшей аттестацией... А-а, Бай, здорово... – Мужчины обменялись рукопожатием. – Что новенького?.. Как жена?

– Спасибо, хорошо... Стало быть, встречаешь управляющего?

– Да, этакая досада. И главное дело – в самую страду...

– Выходит, мужского полку прибыло, – сказала дочь пастора, размахивая руками так, словно заранее давала приезжему затрещину. – С Мальшом-Бентсеном будет их, значит, шесть с половиной...

Вдова взволнована. Не зря она предупреждала Луису-Старшенькую: не надевай прюне-левых ботинок.

Главное «украшение» Луисы-Старшенькой – ее ноги... маленькие аристократические ножки...

Вот ведь предупреждала же она дочь...

Фрекен Луиса задержалась в зале ожидания, – она прикалывала вуаль. Девушки Абель любили носить платья с глубоким вырезом, прикрывая его жабо, искусственным жемчугом или вуалью.

Бай подошел к окну кухни, чтобы сообщить жене о приезде нового управляющего... Дочь пастора, болтая ногами, уселась на зеленый ящик. Потом вынула часы и поглядела на них.

– Бог ты мой, до чего же эти мужчины любят набивать себе цену, – сказала она.

– Да, по-видимому, поезд приходит с довольно большим опозданием, – отозвалась Фрекен Иенсен.

Фрекен Иенсен выражалась подчеркнуто правильно, в особенности когда говорила с дочерью пастора. Фрекен Иенсен не ставила ее ни в грош.

– У моих *абитурантов* совсем другие манеры, – говорила она вдове Абель. Фрекен Иенсен была не очень тверда в словах иностранного происхождения.

– А-а, вот и моя прелесть! – Дочь пастора вскочила с ящика и через всю платформу бросилась навстречу фру Бай, которая показалась на каменной лестнице. Когда дочь пастора кому-нибудь радовалась при встрече, она способна была сбить его с ног.

Фру Бай тихо улыбалась и подставляла щеку ее поцелуям.

– Господи, помилуй нас, грешных, – сказала дочь пастора. – Нежданно-негаданно в курятнике объявился новый петух. А вот и он!

Раздался отдаленный гудок паровоза, потом громкий стук колес по мосту через реку. Громыхая и покачиваясь, состав медленно покотился по лугу.

Пасторская дочь и фру Бай остались вдвоем на лестнице. Девушка обняла фру Бай за талию.

– Смотрите, Ида Абель, – сказала пасторская дочь, – узнаю ее вуаль.

В одном из окон развевалась бордовая вуаль.

Поезд остановился, захлопали двери вагонов. Фру Абель так громко кричала: «С приездом!» – что во всех купе пассажиры прильнули к окнам.

Малютка-Ида злобно стиснула руку матери, – она задержалась на подножке вагона.
– С этим поездом приехал какой-то господин, он выходит здесь. Кто он такой? – Все это она выпалила единым духом.

Малютка-Ида спустилась на платформу. А вот и сам приезжий.

...Весьма сдержанный господин с русой бородой. Он вышел из купе для курящих с шляпной картонкой и саквояжем.

– А как тетя – тетя Ми? – восклицала вдова.

– Попридержи язык, – негромко и злобно произнесла Малютка-Ида. – Где Луиса?

Луиса сбежала по лестнице мимо фру Бай и дочери пастора так резво, точно ее «украшение» было обуто в бальные башмачки.

У подножья лестницы управляющий представлялся Кьеру.

– Глупейшая история, черт побери, Мадсен свалился – в самую страду... Ну, будем надеяться, все обойдется... – Кьер хлопнул нового управляющего по плечу.

– Господи прости, – заметила пасторская дочь. – Самое обыкновенное домашние животное.

Зеленый ящик погрузили в товарный вагон, а из вагона вынесли бидоны кооперативной маслобойни. Поезд уже тронулся, когда в одном из окон раздался крик какого-то крестьянина. У него не оказалось билета.

Машинист, стройный молодой человек в элегантных, обтянутых по-гусарски панталонах, подал два пальца Баю и вскочил на подножку.

Крестьянин продолжал кричать и браниться с кондуктором, который требовал с него штраф.

Все, кто стоял на платформе, несколько мгновений глядели вслед уходящему поезду.

– Гм, вот и все, – сказала пасторская дочь. И зашагала с фру Бай к залу ожидания.

– Мой управляющий, господин Хус, – сказал Кьер проходившему мимо Баю. Трое мужчин постояли молча.

Луиса-Старшенькая и Малютка-Ида наконец-то увидели друг друга и теперь взасос целовались в дверях.

– Ах, Боже мой, – приговаривала вдова. – Они не виделись целых шесть недель...

– Вам повезло, господин Хус, – объявил Бай «кавалерийским» тоном. – Вы сразу увидели наших местных дам... – Дорогие дамы, позвольте вам представить...

Девушки Абель точно по команде перестали целоваться.

– Фрекен Луиса и Ида Абель, – сказал Бай, – господин Хус.

– Моя младшенькая только что приехала из Копенгагена, – ни к селу ни к городу пояснила вдова.

– Госпожа Абель, – представил Бай. Хус поклонился.

– Фрекен Линде, – так звали дочь пастора, – господин Хус.

Дочь пастора кивнула.

– И моя жена, – заключил Бай.

Хус сказал несколько слов, и все вошли в помещение вокзала, чтобы получить багаж.

Кьер увез управляющего. Остальные отправились по домам пешком. Выйдя на дорогу, хватились фрекен Иенсен.

Она задумчиво стояла на платформе, прислонившись к столбу семафора.

– Фрекен Иенсен, – окликнула с дороги дочь пастора. Фрекен Иенсен вздрогнула. Настроение фрекен Иенсен всегда омрачалось при виде полотна железной дороги. Она не любила, когда «кто-нибудь уезжает».

– Очень приятный человек! – сказала фру Абель.

– Самый обыкновенный управляющий, – отозвалась дочь пастора. Она шла с фру Бай, подхватив ее под локоть. – А руки у него хороши.

Птенчики шли позади, перебраниваясь между собой.

– Ого, как вы несетесь, фрекен Иенсен, – сказала дочь пастора. Фрекен Иенсен, точно коза, скакала впереди через лужи. Осенняя слякоть вынуждала ее высоко задираТЬ юбку над тощими девичьими ногами.

Они миновали опушку рощи. У поворота фру Бай попрощалась со своими спутницами.

– Какая вы маленькая и хорошенькая в этой огромной шали, моя прелесть, – сказала пасторская дочь и снова сгребла фру Бай в объятия.

– До свиданья...

– До свида-а-нья...

– Могла бы расщедриться на лишнее словечко, – заметила Малютка-Ида.

Дочь пастора насвистывала.

– А-а! Вот и капеллан, – сказала фру Абель. – Добрый вечер, господин капеллан... Добрый вечер...

Капеллан приподнял шляпу.

– Хотел засвидетельствовать почтение вновь прибывшим, – объявил он. – Добрый день, фрекен. С приездом.

– Спасибо, – сказала фрекен Абель.

– А у вас появился соперник, господин капеллан, – сказала фру Абель.

– Вот как? Кто же это?

– К Кьеру сегодня приехал новый управляющий – очень приятный человек. Правда, фрекен Линде?

– Еще бы!..

– Первый сорт, фрекен Линде?

– Экстра-класс, – ответила дочь пастора. Пасторская дочь и капеллан в присутствии посторонних всегда изъяснялись на жаргоне. Оба поролИ всякий вздор и до упаду хохотали над собственными глупостями.

С тех пор как фрекен Линде однажды в воскресенье едва не рассмешила капеллана, читавшего с кафедры «Отче наш», она никогда не ходила в церковь, если проповедь читал капеллан.

– Фрекен Иенсен мчится так, словно ей вставили фитиль в одно место, – сказал капеллан.

Фрекен Иенсен по-прежнему маячила далеко впереди...

– Ну, знаете, Андерсен. – Фрекен Линде так и покатилась со смеху. – Вы, кажется, хотите перещеголять самого Хольберга.

Они подошли к пасторской усадьбе – первой усадьбе от проселка. У калитки дочь пастора и капеллан попрощались с дамами Абель.

– До свиданья, фрекен Иенсен! – крикнула фрекен Линде. В ответ с дороги донесся слабый писк.

– Так что же он за человек? – спросил капеллан, когда они очутились в саду. Теперь он говорил совсем другим тоном.

– Бог мой, – сказала фрекен Линде. – Вполне заурядный, добропорядочный агроном.

Они молча пошли через сад.

– Хм, – буркнула фрекен Ида. Семейство Абель нагнало наконец фрекен Иенсен, которая поджидала дам в том месте, где было посуше. – Проглотила небось, что *он* пришел поздравиться со мной...

Они прошли еще несколько шагов.

– Разные бывают на свете люди, – заметила фрекен Иенсен.

– Само собой, – подтвердила фру Абель.

– Мне не доставляет никакого удовольствия видеться с членами этой семьи, – сказала фрекен Иенсен. – Я стараюсь держаться от них подальше.

Фрекен Иенсен стала «держаться подальше» от семьи Линде всего неделю тому назад – с тех самых пор, как пастор произнес злополучные «слова»...

– Фру Абель, – говорила фрекен Иенсен. – Ну что остается одинокой женщине? Я это и сказала пастору. Господин пастор, сказала я, вы покровительствуете частной школе... поэтому родители и посылают туда детей... Если бы вы знали, что он мне ответил, фру Абель! Больше я никогда в жизни не заикнусь пастору Линде о пособии... Приходский совет отнял половину пособия у моего института (фрекен Иенсен произносила «инститот»). Я исполню свой долг до конца – даже если меня лишат и второй половины. Но пастору Линде я больше никогда в жизни не заикнусь о пособии...

Три дамы свернули на узкую тропинку, которая вела к «усадебке» – старому выкрашенному в белый цвет дому с двумя флигелями.

Вдова Абель жила в правом флигеле, «инститот» фрекен Иенсен помещался в левом.

– Подумать только, они обе снова под моим крыльшком, – сказала вдова. Во дворе они простились с фрекен Иенсен.

– Фу, – сказала Малютка-Ида, едва только за ними закрылась дверь. – Ну и вид был у вас обоих на станции. Я едва не сгорела со стыда.

– Хотела бы я знать, какой у нас мог быть вид, – сказала Луиса-Старшенькая, откалывая перед зеркалом вуаль, – если ты увезла с собой все платья.

Вдова переобулась в шлепанцы. Подметки на ее ботинках совсем протерлись.

Фрекен Иенсен после долгих поисков извлекла из кармана ключ и открыла дверь. Из спальни, приветствуя хозяйку, раза два ворчливо тявкнул мопс, но не вылез из своей корзины.

Фрекен Иенсен сняла пальто и села поплакать в уголок.

С тех пор как пастор Линде произнес злополучные «слова», она принималась плакать каждый раз, как только оставалась одна.

– Вы покровительствуете частной школе, господин пастор, – сказала она ему в тот раз, – поэтому родители и посылают туда детей.

– Хотите, я вам скажу, фрекен Иенсен, почему родители посылают своих детей в частную школу? Потому что фрекен Серенсен знает свое дело. – Вот каков был ответ пастора.

Эти «слова» фрекен Иенсен повторила одной только хозяйке трактира.

– Что остается одинокой женщине, мадам Мадсен? – сказала она. – У нее одно прибежище – слезы...

Фрекен Иенсен сидела и плакала в своем уголке. Стало смеркаться, она поднялась и вышла в кухню.

Зажгла маленькую керосинку и поставила кипятить воду для чая. Расстелила скатерть на краешке кухонного стола и поставила хлеб и масло перед одинокой тарелкой.

Время от времени она впадала в задумчивость и снова перебирала в памяти слова пастора.

Мопс последовал за ней в кухню и улегся на подстилку перед пустой миской.

Фрекен Иенсен взяла собачью миску и накрошила в нее французскую булку, размоченную в теплой воде.

Потом поставила миску перед мопсом, и он стал есть, почти не шевелясь.

Фрекен Иенсен зажгла одинокую свечу и стала пить чай с бутербродами из черного хлеба – каждый бутерброд она разрезала ножом на изящные квадратные ломтики.

Напившись чаю, фрекен Иенсен отправилась спать. Мопса она принесла в спальню и уложила на перинку в ногах кровати. Потом взяла школьный журнал и положила у изголовья на ночной столик.

Потом заперла дверь и со свечой в руке заглянула во все углы и даже под кровать.

Потом разделась, отколола косы и повесила их на зеркало.

Мопс уже спал, посапывая, на своей перинке.

А фрекен Иенсен не спалось с тех самых пор, как пастор Линде произнес злополучные слова.

Фру Бай возвратилась обратно на станцию. Она открыла калитку и вышла на платформу. Здесь было пусто и так тихо, что слышалось, как гудят телеграфные провода.

Фру Бай села на скамейку перед дверью, сложила руки на коленях и загляделась на простор полей. Она любила посидеть вот так без всякого дела, если поблизости случался стул, скамья или ступенька.

Она глядела на простор полей – большие участки пахотной земли, а чуть подалее – луга. Небо было ясное, голубое. Глазу не на чем задержаться – разве что на церквушке соседнего прихода. Ее крыша и колокольня возвышались вдалеке над плоской равниной.

Фру Бай озябла и встала. Она подошла к плетню, заглянула через него в сад, потом отворила калитку и вошла. Сад представлял собой треугольный клочок земли, расположенный вдоль полотна; в передней его части тянулся огород, в дальнем углу была лужайка с беседкой под кустом бузины, а перед ней высокие кусты роз.

Фру Бай осмотрела розы – на них еще оставались бутоны. Розы щедро цвели в этом году – почти не отдыхали.

Но теперь уже скоро пора укрывать их на зиму...

И листопад уже начался. Что ж, ветру здесь есть где разгуляться...

Фру Бай вышла из сада и направилась вдоль платформы к маленькому дворику, отгороженному дощатым забором.

Она позвала служанку – ей хотелось покормить голубей.

Потом взяла глиняную миску с кормом и стала скликать голубей, рассыпая зерна на камнях.

Фру Бай очень любила голубей. Любила еще с детства.

Она выросла в большом провинциальном городе, и там их было видимо-невидимо... Так, бывало, и мельтешат у дверей отцовской мастерской...

Стоит ей подумать о доме, и она слышит, как они воркуют и курлычут.

Старый дом – позднее, после смерти отца, они продали его и мастерскую со всем, что в ней было, и переехали.

Голуби слетелись к фру Бай, склевывая корм.

– Мария, – сказала фру Бай, – посмотри, какой жадина этот пятнистый.

Служанка Мария вышла из дверей кухни и стала что-то рассказывать о голубях. Фру Бай высыпала из миски остатки зерен.

– Надо зажарить несколько штук к вечеру, к Баю соберутся партнеры по ломберу, – сказала она.

Она поднялась на крыльцо.

– Как рано стало темнеть, – сказала она и вошла в дом. После улицы в комнате казалось тепло и сумеречно. Фру Бай села за фортепиано и стала играть.

Она играла всегда только в сумерках и всегда одни и те же три-четыре мелодии, сентиментальные пьески, которые звучали у нее протяжно и монотонно и вдобавок совершенно одинаково, так что становились похожими одна на другую.

Когда фру Бай случалось остаться одной и играть в темноте, она всегда вспоминала о родном доме. Семья была большая, и детям никогда не приходилось скучать.

Она была самой младшей из братьев и сестер. При жизни отца она была еще так мала; что за обедом еле дотягивалась до своей тарелки.

Отец сидел на диване без пиджака, а дети, стоя вокруг стола, усердно налегали на еду.

– А ну, сорванцы, спину прямо! – покрикивал отец. Сам он сутуло нависал над тарелкой, опершись на стол длинными руками.

Мать ходила взад и вперед, приносила, уносила...

В кухне за длинным столом обедали отцовские подмастерья.

Они гоготали и бранились так, что было слышно через дверь, а потом вдруг затевали потасовку – казалось, еще минута, и они разнесут дом на куски.

– Что там еще? – кричал отец, стукнув по столу кулаком. В кухне воцарялась мертвая тишина – слышно было только, как кто-то потихоньку шарил под столом, разыскивая упавший во время драки кусок хлеба.

– Головорезы! – ворчал отец.

После обеда он дремал на диване. Просыпался он с боем часов.

– Ну, ладно, пофилософствовал, и будет, – говорил он и, выпив кофе, уходил в мастерскую.

После смерти отца все изменилось. Катинка поступила в институт вместе с дочерью консула Лассона и с бургомистровой Фанни.

Семья консула иногда приглашала ее в гости...

Братья и сестры разъехались кто куда. Она осталась одна с матерью.

Это были самые счастливые годы в жизни Катинки – в маленьком городке, где все ее знали и она знала всех. В полдень они с матерью усаживались в гостиной, каждая у своего окна, – мать далее приспособила у своего окна «зеркальце». Катинка вышивала «французской» гладью или читала.

Яркие лучи солнца просвечивали сквозь цветы на окнах и ложились на чисто вымытый пол...

Катинка читала много книг – она брала в библиотеке романы о людях из высшего света и еще стихи, которые переписывала в альбом...

– Тинка, – говорила мать. – Смотри, вон идет Ида Леви. Ой, на ней желтая шляпка...

Тинка поднимала глаза от рукоделья.

– У нее сегодня урок музыки, – говорила она.

Ида Леви проходила мимо, кивала им, и они кивали в ответ и знаками спрашивали у нее, собирается ли она на станцию к «девятчасовому».

– Как она выворачивает ноги, страх один, – говорила Тинка, провожая Иду Леви взглядом.

– Это у нее от матери, – отвечала мать Тинки.

Так проходили один за другим – управляющий имением, два лейтенанта, уполномоченный и доктор. Они кланялись, а женщины в окне кивали и о каждом говорили несколько слов.

Они знали про каждого, куда он идет и зачем.

Они знали каждое платье и каждый цветок на шляпке. И каждый день говорили одни и те же слова об одном и том же.

Вот мимо проходит Мина Хельмс.

– Смотри, Мина Хельмс, – говорит мать.

– Да. – Катинка провожает ее взглядом, щурясь от солнца.

– Ей надо бы сшить новое пальто, – говорит она.

– Бедняжка, откуда им взять денег? – Мать следит за Миной в зеркало... – Да, старое совсем уже обтрепалось. А может, его еще можно перелицевать. Правду говорит фру Нес – у фру Хельмс и денег нет и руки никудышные...

– Вот если бы у господина уполномоченного были серьезные намерения, – отзывалась Тинка.

В пять часов заходили подружки, и девушки отправлялись на прогулку. Они парочками прохаживались взад и вперед по улице, встречались, сбивались в кучки, смеялись, болтали и снова расходились в разные стороны...

А по вечерам, после чая, все шли на станцию к девятичасовому поезду; теперь девушек сопровождали матери, и прогулка проходила более чинно.

– Катинка, – говорила мать, оборачиваясь, – она шла впереди с фру Леви. – Посмотри, господин Бай... Стало быть, он нынче свободен от дежурства...

Господин Бай проходил мимо и кланялся. Катинка отвечала на поклон и краснела. Подруги вечно поддразнивали ее господином Баем...

– Наверное, идет играть в кегли, – говорила фру Леви. По воскресеньям они ходили в церковь слушать обедню.

Все были разодеты по-праздничному и пели так, что отдавалось под сводами, а в большие окна на хорах глядело солнце...

Сидеть в церкви рядом с Торой Берг было сущим наказанием.

Во время проповеди она то и дело шептала: «Гляди в оба, старушка», – и щипала Тинку за руку...

Тора Берг вообще была отчаянная сумасбродка.

По вечерам в Тинкино окно сыпались камешки и пыль.

И вся улица звенела от смеха и гомона.

– Это Тора возвращается с вечеринки, – говорила Тинка. – Она была у дочери бургомистра.

По дороге домой Тора неслась по улице как угорелая, а за ней целая ватага молодых людей. Весь город был свидетелем того, как Тора Берг возвращается с вечеринки.

Катинка любила Тору Берг больше всех подруг. Она восхищалась ею и, когда они бывали вместе, не сводила с нее глаз. Дома она повторяла по двадцать раз на дню:

– А Тора сказала...

По сути дела, она с ним была очень мало знакома. Но вечерами на прогулке или в павильоне на абонементных концертах – раз в две недели по понедельникам там играл военный оркестр – они разговаривали друг с другом. При встречах с ним Тинка вспыхивала до корней волос.

В павильоне она и познакомилась с Баем... В первый лее вечер он больше всего танцевал с ней.

И когда катались на коньках – он всегда приглашал ее кататься с ним в паре. Они летели по льду, как на крыльях, ей казалось, будто он несет ее на руках... Бывал он и у них в доме.

Все подруги ее поддразнивали, и, если затевали игру в чепуху, во мнения или в «задумай-кого-нибудь», ей всегда намекали на Бая. И все смеялись.

И дома мать только и говорила что о нем.

Потом состоялась помолвка, и теперь куда бы она ни пошла – по воскресеньям в церковь, а зимой в театр, когда приезжали актеры, словом, повсюду – у нее бывал провожатый... Потом Бай получил место, и началось хлопотливое время: готовили приданое и прочее обзаведение... Подруги помогали Катинке метить белье и вообще делать все, что требует обычай...

Стояло лето, подружки стайкой сидели в беседке. Постукивала швейная машина, кто подрубал швы, кто закреплял узелки.

Подружки поддразнивали Тинку и смеялись, а потом вдруг вскакивали, выбегали в сад и носились по лужайке со смехом и шутками, словно табун жеребят...

Самой тихой среди них была Тинка.

Подружки перешептывались в укромных уголках, и в доме Леви, где вышивался коврик, на котором Тинка должна была стоять у алтаря, и репетировали псалмы, которые предстояло петь хором...

И вот настал день венчания – в разубранной церкви яблоку негде было упасть. Наверху у органа стояли все подружки. Тинка кивала, благодарила и плакала. Плакала в три ручья.

А потом они приехали сюда, в это тихое захолустье.

В первое время после замужества Тинка всегда была пугливо насторожена, точно каждую минуту ждала, что кто-то на нее накинется.

Многое оказалось для нее неожиданным, а Бай бывал иногда так груб – она страдала и покорялась и была напугана и растеряна...

К тому же она чувствовала себя в этих краях чужой и никого не знала – ни души...

Потом наступило время, когда она попривыкла и, привязчивая по натуре, даже стала робко лхнуть к Баю.

Она приносила в контору мужа свое рукоделье и смотрела, как он сидит, склонившись над столом, и прядь курчавых волос спадает ему на лоб.

Она вставала, подходила, к нему и обвивала рукой его шею – ей хотелось тихонько постоять возле него, подольше побыть с ним рядом.

– Я же пишу, детка, – говорил Бай.

Она склонялась ближе к нему, он целовал ее в затылок.

– Дай мне писать, – говорил он и целовал ее еще раз.

– Ах ты, писака, – говорила она и отходила от него.

Текли годы. Катинка свыклась со своей жизнью – приходили и уходили поезда, местные жители уезжали и возвращались, они рассказывали новости и спрашивали о новостях.

Супруги Бай встречались с соседями. Чаще всего за картами у Бая, мужчины поочередно собирались то одни, то с женами.

А тут еще собака, и голуби, и сад, да и вообще фру Бай была не из проворных. Она едва успевала управляться с домашними делами – ей не приходилось думать о том, как убить время. Она все делала медленно и копотливо; Бай прозвал ее «тихоходом».

Детей у них не было.

После смерти матери Катинка получила свою часть наследства наличными. Поскольку их было только двое, они жили в полном достатке и даже богато.

Бай любил хорошо поесть и часто привозил из Ольборга дорогие вина. Он немного раздобрел и обленился – большую часть работы выполнял за него помощник. «Лейтенанта» он разыгрывал теперь только за порогом дома.

В городе он прижил ребенка.

– Черт возьми, – объяснял он холостяку Кьеру. – Даром я, что ли, старый кавалерист... А девчонка была веселая, как воробушек...

Попав в беду, девчонка переехала в Ольборг. Ребенка отдали на воспитание в деревню.

Так проходило время.

Теперь Катинка уже не читала так много, как в юности. Ведь книги – это один только вымысел.

В ящике своего секретера фру Бай хранила большую шкатулку, а в ней засохшие цветы, ленточки и разные кисейные финтифлюшки с девизами из золотой фольги. Память о клубных котильонах и о «последнем абонементе», когда в павильоне устраивались танцы.

Зимними вечерами она часто перебирала содержимое шкатулки и снова складывала все по порядку, вспоминая, кто дал ей этот девиз, а кто этот.

Припомнив все до одного имени кавалеров, она записывала их на обороте котильонных орденов.

Бай сидел у стола, попивая грог.

– Старая рухлядь, – говорил он.

– Пусть лежит, Бай, – отзывалась она. – Раз уж я навела порядок.

И она продолжала записывать имена котильонных партнеров.

Иногда она перечитывала стихи, которые давным-давно переписала в свой альбом.

В верхнем отделении секретера хранилось столовое серебро, а в ящике под ним лежала ее свадебная фата и увядший венок из миртов.

Эти вещи она тоже вынимала, расправляла их и убирала обратно.

Она могла часами сидеть над выдвинутым ящиком, по привычке праздно опустив руки.

И только изредка тихонько поглаживала фату...

Подвенечная фата уже совсем пожелтела.

Да ведь и времени с тех пор прошло немало. Целых десять лет...

Да– теперь уже и старость не за горами. Ей исполнилось тридцать два.

...Супругов Бай в округе любили. Приветливые, гостеприимные люди, – стоит кому-нибудь из знакомых заглянуть на станцию – и на плите уже кипит кофейник.

Бай был человек компанейский и дела содержал в порядке, хотя и не проявлял особого служебного рвения.

Фру Бай была, правда, немного молчалива, но на ее кроткое лицо было приятно смотреть. Когда у Бая затевался большой ломбер, она казалась среди местных дам девочкой.

– Жаль только, что детей у них нет, – говорила фру Линде, когда они вдвоем с пастором плелись вечером от Баев домой. – Люди состоятельные, средств у них хватило бы. Стыд и срам, что живут они одни-одинешеньки...

– Господь дарует жизнь по неизреченной милости своей, матушка, – говорил пастор.

– Да свершится воля его, – отвечала пасторша. У самих Линде было десять детей.

Семерых Господь прибрал в младенчестве. Когда старому пастору приходилось хоронить детей, он всегда вспоминал своих семерых покойников.

Фру Бай перестала играть. Она сидела и думала, что надо бы встать и зажечь лампу. Но потом крикнула служанке, чтобы та принесла лампу, а сама продолжала сидеть у фортепиано.

Мария внесла зажженную лампу. Расстелила скатерть и накрыла стол к чаю.

– Который час? – спросила фру Бай.

– Вот-вот придет восьмичасовой, – ответила Мария.

– А мне и невдомек...

Фру Бай закуталась потеплее и вышла.

– Что поезд? – спросила она в конторе.

– Прибудет с минуты на минуту, – ответил Бай. Он стоял у телеграфного аппарата.

– Телеграмма?

– Да...

– Кому?

– В поселок...

– Что ж, Ане доставит...

Фру Бай вышла на платформу. Она любила смотреть, как в сумерках приходят и уходят поезда.

Сначала далекий, далекий гул, потом грохот, когда поезд катит через мост, а впереди бежит сноп света, и, наконец, тяжелая, колышущаяся масса выползает из темноты и превращается в вагоны, – поезд останавливается, и она видит кондукторов, почтовый вагон и светлые купе...

И вот он снова ушел, и грохот замер вдали, и кругом снова тишина, еще более глухая, чем прежде.

Стрелочник потушил фонари, сначала на платформе, потом над дверью вокзала.

Теперь светились только два окна– две лунные дорожки в непроглядной тьме.

Фру Бай вошла в дом.

Подали чай, потом Бай обыкновенно читал газеты и пил гог– когда стакан, а когда и два. Бай читал только правительственные газеты. Сам он выписывал «Национальтиденде» и еще читал «Дагблад», которую получал Кьер.

Если оппозиции «давали по зубам», Бай стучал по столу кулаком так, что стаканы звенели. Некоторые фразы он читал вслух и хохотал.

Фру Бай слушала молча. Политика ее не интересовала. К тому же по вечерам ее неудержимо клонило в сон.

– Ну, пожалуй, пора, – сказал Бай.

Он встал и зажег ручной фонарь. Бай по вечерам делал обход, проверяя, все ли заперто и переведена ли стрелка для ночного поезда.

– Ты можешь ложиться, Мария, – сказала фру Бай с порога кухни. Дремавшая на стуле Мария проснулась.

– Спокойной ночи, фру, – сказала она спросонья.

– Спокойной ночи.

В гостиной фру Бай сняла с подоконника цветы и поставила их на пол. По ночам они так и стояли в ряд на полу. Возвратился Бай.

– Ночью похолодает, – сказал он.

– Я уже думала... насчет роз. Я сегодня осматривала кусты.

– Да, – сказал Бай, – пора их укрывать.

Бай прошел в спальню и начал раздеваться. Дверь была распахнута настежь.

Бай любил долго слоняться вечерами по комнатам – из спальни в гостиную и обратно – в полном неглиже.

– У-у, слониха! – сказал он. В каморке на чердаке слышались тяжелые шаги Марии.

Фру Бай накрыла мебель белыми чехлами и заперла дверь в контору.

– Можно тушить? – спросила она. И потушила лампу. Она вошла в спальню, села перед зеркалом и распустила волосы.

Бай стоял в одних кальсонах. Он попросил дать ему ножницы.

– Черт побери, до чего же ты отощала, – сказал он. Катинка набросила на плечи пеньюар.

Бай улегся в постель и продолжал болтать. Она отвечала, как всегда, неторопливо – перед каждым ее ответом возникала маленькая пауза.

Оба помолчали.

– Гм, правда, приятный человек – а?

– Как будто...

– А что сказала Агнес Линде?

– Да тоже, что очень приятный человек.

– Гм. Ох, и язычок у этой девицы... Кстати, надо бы узнать, черт возьми, играет ли он в ломбер...

И Бай уснул.

Во сне Бай громко храпел.

Теперь фру Бай уже привыкла к его храпу.

Она еще немного посидела перед зеркалом. Потом сняла пеньюар и посмотрела в зеркало на свою шею.

И вправду она похудела.

Должно быть, с тех пор, как весной к ней привязался этот кашель.

Фру Бай потушила свечи и легла в постель рядом с господином Баем.

Дни стали короткими.

То зарядит дождь, то мокрый снег. И все время – пасмурно и промозгло. Даже лучшие ученицы фрекен Иенсен приходили на занятия в деревянных башмаках.

Платформа на станции превратилась в огромную лужу. По ней плыли последние листья с живой изгороди, окружавшей сад. С паровозов и вагонов стекала вода, кондукторы сновали по перрону в мокрых плащах. Малыш-Бентсен носился с почтовыми мешками под раскрытым зонтом.

Подводы с семенами из усадьбы Кьера были затянуты брезентом, кучера сидели в плащах.

С первой подводой приехал сам управляющий Хус. Ему надо было выправить документы по оплате доставки и пошлины.

– Гляди-ка, приехали от Кьера, – сказал Бай жене.

Управляющий Хус имел обыкновение заходить на полчаса к супругам Бай, он снимал свой плащ и подкреплялся чашечкой кофе.

Пока фру Бай накрывала на стол, Хус и работники хлопотали на платформе и грузили мешки в товарный вагон. Катинка смотрела, как они спуют под окнами. Они казались великанами в своих дождевиках.

Служанка Мария питала слабость к Хусу. Хлопоча по хозяйству, она без умолку говорила о нем.

Она не могла им нахвалиться. И кончала всегда одним:

– И уж такой у него голос...

У Хуса был мягкий, задушевный голос, но никто не мог понять, чем он пленил Марию.

Покончив с делами, Хус заходил выпить кофе. В доме было тепло, уютно, пахло комнатными растениями, которые еще цвели на окне.

– Нет уж, что верно, то верно, – говорил Хус, потирая руки. – Славно в доме у фру Бай.

Хус и сам вносил уют в дом. От него веяло какой-то тихой умиротворенностью. Он был немногословен и редко что-нибудь рассказывал. Но зато он охотно поддерживал разговор о разных житейских мелочах и всегда был веселый, ровный. От одного его присутствия становилось хорошо на душе.

Прибывал товарный поезд, Бай выходил его встречать.

С уходом Бая ничего не менялось. Оставшись вдвоем, фру Бай и Хус продолжали разговаривать или сидели молча. Она глядела в окно и смеялась над Баем, который бегал по платформе под дождем.

Хус осматривал Катинкины цветы и давал советы, как за ними ухаживать. Катинка стояла рядом с ним, они вместе разглядывали растения. Он знал все о каждом – будет ли оно цвести или отдыхать и что с каким надо делать.

Хус входил во все мелочи – его интересовали и голуби, и новая грядка с клубникой, которую разбили нынче осенью.

Катинка спрашивала у него совета, и они бродили по дому, обсуждая то одно, то другое.

Бай никогда не интересовался такими мелочами. А у Хуса всякий раз можно было узнать что-то новое и чему-то поучиться.

И получалось, что им всегда есть о чем поговорить неторопливо и рассудительно – как было в характере у обоих.

И всегда выходило, что в доме фру Бай какие-то дела ждут не дождутся Хуса, хотя осенью Кьер из Рюгорда продавал семена и Хус приезжал на станцию каждый день.

У Малютки-Иды тоже часто случались неотложные дела на станции.

Вот она вылетает на дорогу с письмом, которое ей загорелось отправить с дневной почтой.

– Боже мой! Ну и погода, господин лейтенант.

– Не угодно ли чашечку кофе, фрекен? Живительная влага – лучшее лекарство от наружной сырости... А у нас сейчас Хус, сидит с моей женой...

– Как – разве из Рюгорда сегодня приезжали?

– Да, семена привезли.

Подумать только – Малютка-Ида и знать не знала.

С пригорка в углу своего сада «птенчики» могли обзирать всю округу.

Малютка-Ида целыми утрами простаивала на пригорке. Потом начинала раскручивать свои папильотки.

– Куда это ты собралась? – Луиса-Старшенькая ходила с перевязанной щекой из-за флюса.

– Отнести письмо на станцию...

– Мам, – стонала Луиса. – Ида опять бежит на станцию. Пф! Если ты думаешь этим чего-нибудь добиться...

– Не твое дело. – Малютка-Ида хлопает дверью спальни перед самым носом у второго птенчика.

– Хочешь выставлять себя на посмешище – на здоровье, но только, пожалуйста, надевай при этом свои собственные ботинки. Ты что, оглохла?.. Мам, скажи Иде, пусть наденет свои сапожки – вечно она бегаёт на станцию в моей обуви...

– Пф! – отвечает Ида, справившись со своей челкой.

– И мои перчатки... Ну, знаешь, это уж слишком... – Луиса выхватывает у Иды перчатки. Двери хлопают еще несколько раз.

– Что случилось, детки? – спрашивает фру Абель. Она выходит из кухни. Руки у нее мокрые – она чистила картошку...

– Ида таскает мои вещи! – Луиса-Старшенькая плачет от злости.

Вдова Абель безмолвно прибирает одежду, разбросанную Малюткой-Идой, и возвращается на кухню чистить картошку...

– Милая фру Бай, – говорит Ида, стоя на пороге. – Нет, нет, заходить я не стану. Здравствуйте, господин Хус. Ах, я в таком ужасном виде... Я на минутку. Здравствуйте...

И фрекен Абель входит в комнату. Под плащом на ней платье с глубоким вырезом.

– Ах, знаете, в канун рождества такая уйма дел... Простите, господин Хус, я вас побеспокою – я только пройду.

Фрекен Абель проходит к дивану. На нем так приятно сидеть, говорит она.

Но ей не сидится на месте. Слишком многое приводит ее в восторг. Фрекен Ида по-детски непосредственна.

– Ах, какая чудная салфеточка...

Фрекен Абель непременно должна пощупать салфеточку.

– Ах, простите господин Хус. – Ей снова надо пройти. Она щупает салфетку...

– Мама говорит, что я всегда порхаю, – заявляет Малютка-Ида.

Вдова Абель иногда называла своих дочерей «порхуньи-горлинки». Но прозвище не приилось. Было в Луисе-Старшенькой нечто такое, что не укладывалось в представление о «горлинке».

Остались «птенчики».

При появлении фрекен Абель управляющий Хус довольно быстро откланивался.

– Когда приходит фрекен Ида, в комнате становится тесновато для большого общества, – говорил он.

Близилось рождество.

Раз в неделю Хус ездил по делам в Рандерс. Фру Бай всегда давала ему какое-нибудь поручение по секрету от Бая. Сойдя с поезда, Хус долго перешептывался с ней в гостиной.

Катинка уже много лет не радовалась рождеству так, как в этом году.

Да и погода выдалась какая-то праздничная.

Стояли ясные морозные дни, выпал снег.

Возвращаясь из Рандерса, Хус оставался выпить чаю на станции. Он приезжал с восьмичасовым поездом. Фру Бай часто еще не зажигала света.

– Поиграйте, пожалуйста, – просил он.

– Да ведь я играю одни и те же пьесы...

– Ну и что ж, раз они мне нравятся... – Он сидел в углу на стуле у дивана.

Катинка играла свои неизменные пять пьес, похожие одна на другую. Ей бы никогда не пришло в голову играть в чьем-нибудь присутствии. Но Хус сидел в уголке так тихо, будто его и не было в комнате. И к тому же он был совершенно лишен слуха.

Когда она переставала играть, они иной раз сидели, не говоря ни слова, пока Мария не приносила лампу и чай.

После чая Бай зазывал Хуса в контору.

– Мужчинам полезно побыть в своей компании, – говорил он.

Стоило им с Хусом остаться вдвоем, как Бай заводил разговор о женщинах.

– Я был большой ходок в прежние годы, еще в училище... А в Копенгагене – вот где были бабы... не чета нынешним... Говорят, теперь они уезжают в Россию... Все может быть... Нет, те, прежние, не чета нынешним... Взять, например, Камиллу, – Камиллу Андерсен... роскошная была баба, баба-загляденье, жаль, она плохо кончила, выбросилась из окна... А гордячка, какой свет не видывал. – Бай подмигивал. Хус делал вид, что понимает, какая гордячка была Камилла. – Редкая гордячка... Я-то ее хорошо знал, роскошная баба...

Бай болтал без умолку. Хус курил сигару, не проявляя заметного интереса к разговору.

– Тут вот летом к пастору на каникулы приезжали сыновья, я их спрашивал: молодые люди, говорю, каковы, говорю, нынешние девицы? Ничего, подходящие? Дешевка, старина, дешевка... Говорят, они теперь уезжают в Россию – все может быть.

Хус не высказывал никакого мнения по поводу отъезда девиц в Россию. Он бросал взгляд на часы.

– Мне пора, – замечал он.

– Какого черта...

Но Хус торопился уезжать. До усадьбы было пять километров с лишком.

Они возвращались в гостиную.

– Может, проводим Хуса, – говорила фру Бай. – На улице так хорошо.

– Что ж, пожалуй. Полезно размять ноги... Они втроем выходили на улицу.

Катинка шла под руку с Баем. Хус рядом – с другой стороны. Под ногами поскрипывал снег.

– Как много звезд в этом году, – говорила Катинка.

– Да, куда больше, чем в прошлом, Тик. – Бай всегда оживлялся, посидев «в мужской компании».

– Пожалуй, – подтверждала Катинка.

– Редкостная погода, – говорил Хус.

– Верно. – Это отзывался Бай. – Канун Рождества и морозец.

– Он продержится до Нового года...

– Да ну? Неужто...

Они шли молча, а когда разговор завязывался опять, он снова был о чем-нибудь в этом лее роде.

У поворота супруги Бай прощались с Хусом.

По дороге к дому Катинка напевала. На станции Бай брал ручной фонарь и шел осматривать путь перед ночным поездом, а она оставалась стоять на пороге.

Возвращался Бай.

– Ну, вот и все, – говорил он. Катинка медленно выдыхала воздух.

– Какой славный мороз, – говорила она и отгоняла рукой пар, сгустившийся от ее дыхания.

Они входили в дом.

Бай докуривал в постели сигару. Потом говорил:

– Славный малый Хус, ей-ей, славный малый... Только рохля...

Фру Бай сидела перед зеркалом. Она смеялась. Но Кьеру Бай признавался с глазу на глаз, что уверен – Хус ни черта не смыслит в бабах.

– Я иной раз пускаю пробный шар, когда он заходит к нам вечерком... Но уверен – ни черта он не смыслит в бабах.

– Что поделаешь, дружище Бай, – говорил Кьер, и они хлопали друг друга по спине и радостно гоготали. – Не всем же быть знатоками...

– Точно... А Хус – уверен, ни черта он не смыслит.

Их звали в гостиную пить кофе.

В последние дни перед Рождеством на станции было оживленно. Все что-то получали, что-то отправляли – ни у кого не доставало терпения ждать почтальона.

Сестры Абель рассылали поздравительные открытки и справлялись о посылках.

Фрекен Иенсен принесла ящичек для сигар, перевязанный бечевкой, вдоль которой в виде украшения шли сургучные печати.

– Я сама его делала, фру Бай. Ручная работа, – сказала фрекен Иенсен. Ручная работа предназначалась для сестры.

– А фру Абель ездила вчера в Рандерс... – сказала фру Бай.

– Получила годовую ренту, – кисло заметила фрекен Иенсен.

– Домой она вернулась с кучей свертков...

– Еще бы...

– Рождество вы, конечно, справляете у фру Абель?

– Нет, фру Бай... Правда, мы живем в одном доме... Но это такие люди... Они думают только о себе...

– Прежде вы, бывало, проводили этот день в доме пастора.

– Нет, нет, только не у фру Абель, – продолжала фрекен Иенсен. – Не с каждым человеком станешь...

Фру Бай предложила фрекен Иенсен встретить рождество вместе с ними.

Вечером, когда Бай вернулся с обхода, она завела об этом разговор.

– Матиас, – сказала она, – она называла мужа по имени, когда ей предстояло сообщить ему какую-либо сомнительную новость. – Мне пришлось пригласить к нам на рождество старушку Иенсен... Она ведь не может пойти к Линде...

– Хм... Мне-то что. – Бай терпеть не мог «плешивую каргу». – На здоровье, устраивай у себя в доме богадельню.

Бай прошелся по комнате.

– Стало быть, к Абелям она не пойдет, – сказал он.

– В том-то и дело, Матиас... Они ее не пригласили.

– И правильно сделали, – сказал Бай, стягивая с ног сапоги. – Тебе одной охота с ней возиться.

Фру Бай была рада, что разговор с мужем уже позади. ...Фрекен Иенсен явилась в половине шестого с плетеной корзинкой и мопсом.

Она извинилась, что принесла с собой Бель-Ами.

– Вообще-то я оставляю его у фру Абель, я всегда запираю его у них. Но нынче, понимаете, мне не хотелось... Он не помешает... у него очень тихий нрав.

Мопса положили на подстилку в спальне. Там он и остался. Он страдал сонной болезнью и совсем не шумел – только посапывал во сне.

– Он спит, как дитя, – сказала фрекен Иенсен. Она вынула из корзины воротничок и рукавники.

Бель-Ами причинял хлопоты, только когда приходило время возвращаться домой. Он совершенно отвык двигаться.

Через каждые десять шагов он останавливался и скулил, поджав хвост.

Если поблизости никого не было, фрекен Иенсен брала мопса на руки.

В шесть часов сели за стол. Елка стояла в углу. Малыш-Бентсен с приглаженным хохолком щеголял в конфирмационном костюме.

Аппетит у него был волчий.

Бай то и дело подливал в стаканы и чокался с фрекен Иенсен и Бентсеном.

– Ваше здоровье, фрекен Иенсен.

– Твое здоровье, друг Бентсен. Рождество бывает раз в Году, – приговаривал он. И снова подливал.

Малыш-Бентсен стал красный как рак.

– Мы пьем, словно язычники, – сказала фрекен Иенсен. Дверь в контору была открыта. Телеграфный аппарат стучал без передышки.

Коллеги Бая вдоль всей линии поздравляли друг друга с рождеством. Бай поминутно выходил и отвечал на поздравления.

– Поклон и от меня, – говорила Катанка.

– Из Мундструпа желают счастливого Рождества, – сообщал Бай, стоя у аппарата.

– Да, – говорила фрекен Иенсен. – Я недаром твержу своим абитурантам: наше время упразднило расстояние, я часто им это твержу.

За десертом– пончиками с яблоками – фрекен Иенсен оживилась. Она ребячливо кивала своему отражению в зеркале и говорила: «Ваше здоровье».

На фрекен Иенсен был новый шиньон – она сама преподнесла его себе к рождеству. Теперь волосы у нее были трех оттенков.

Мало-помалу фрекен Иенсен приходила во все лучшее расположение духа.

После ужина, пока зажигали елку, Малыш-Бентсен пытался заставить Марию играть с ним на кухне в чехарду.

Катинка бесшумно ходила вокруг елки и не спеша зажигала свечи. Ей хотелось немного побыть одной.

– Интересно, получил ли Хус наш подарок, – сказала она. Она стояла на стуле и зажигала елочные свечи от восковой свечи.

В последнюю минуту она взяла со своего столика с подарками кружевную косынку– она получила ее от сестры– и положила к подаркам, предназначенным для фрекен Иенсен. Очень уж скудно выглядели эти подарки. Для них было отведено место на диване, рядом с подарками Бентсену.

Катинка открыла дверь в контору и пригласила всех к елке.

Все обошли, елку вокруг, рассматривали свои подарки– благодарили и немного смущались. Фрекен Иенсен извлекла из корзинки маленькие пакетики из папиросной бумаги и положила каждому.

Вошла Мария в белом переднике. Она разложила по местам свои подношения, а потом перетрогала все другие подарки.

После ухода восьмичасового поезда все снова собрались в гостиной. В углу по-прежнему горела елка.

Было жарко, пахло чадом от елочных свечей.

Бай пытался одолеть дремоту.

– После этакого пира тянет на боковую, верно, фрекен Иенсен? – приговаривал он. – Да тут и одним весельем будешь сыт и пьян.

Все клевали носом и поглядывали на часы. Обе дамы опять заговорили о подарках, стали обсуждать вышивку и шитье.

– Пойти, что ли, взглянуть, что на белом свете деется, – сказал Бай и удалился в контору. Малыш-Бентсен прикорнул на стуле у полки с курительными трубками.

Дамы остались вдвоем. Они сидели в углу у фортепиано возле елки, у них тоже слипались глаза.

Они вздремнули было, но тут же проснулись в испуге, – затрещала ветка, охваченная огнем.

– Скоро свечи догорят, – сказала Катинка и потушила пламя.

Свечи догорали одна за другой, очертания елки становились темными. Спать дамам больше не хотелось, они сидели и смотрели на елку – на ней светились последние слабые огоньки.

При виде этих последних огоньков, которые еще больше подчеркивали угрюмость мертвого дерева, обеих вдруг охватила тихая грусть.

И вдруг фрекен Иенсен начала рассказывать. Вначале Катинка почти не вслушивалась в ее слова: она думала о своем – о братьях и сестрах и еще – о Хусе.

Катинка сама не знала, почему весь вечер думала о Хусе. Ее мысли то и дело возвращались к нему.

То и дело...

Она кивала фрекен Иенсен, делая вид, будто слушает.

А фрекен Иенсен вспоминала о своей юности и вдруг ни с того ни с сего стала рассказывать историю своей любви. Она дошла уже до середины рассказа, и только тогда Катинка вдруг поняла, о чем речь, и удивилась, с чего вдруг фрекен Иенсен вздумалось поведать об этом именно сегодня, именно ей, Катинке...

Это была самая обыкновенная история безответной любви. Она думала, что любят ее, а оказалось – ее подругу.

Фрекен Иенсен говорила тихим, ровным голосом, она вынула носовой платок и изредка всхлипывала и отирала Щеку.

Катинка мало-помалу растрогалась. Она попыталась представить, как выглядела в молодости эта маленькая морщинистая старушка. Наверное, у нее было миловидное лицо.

И вот она сидит здесь одинокая и всеми покинутая.

У Катинки сжалось сердце, она взяла обе руки фрекен Иенсен в свои и ласково похлопала их.

От этой ласки старуха заплакала еще громче. Катинка продолжала похлопывать ее руки. Догорели последние свечи, елка погрузилась во тьму.

– И вот доживаешь свой век одна-одинешенька, – сказала фрекен Иенсен, – и каких только козней тебе не строят на каждом шагу.

И фрекен Иенсен снова оседлала своего конька – завела речь о пасторе и его «словах».

Катинка выпустила руки фрекен Иенсен. У погасшей елки ей стало вдруг холодно и неуютно.

Бай распахнул дверь из освещенной конторы. Прискакал верхом посыльный с пакетом от Хуса.

– Мария, зажги свет! – воскликнула Катинка и побежала в контору с пакетом в руках.

Это была нарядная шаль из крученого шелка с вплетенными в нее золотыми нитями, – огромная шаль, которую можно было свернуть в крошечный комочек.

Катинка стояла с шалью в руках. Она так обрадовалась подарку. У нее была точно такая же шаль, но две недели назад она по неосторожности ее пролегла...

– Но эта гораздо лучше...

И Катинка все стояла с шалью в руках.

Поспав после обеда, Бай снова пришел в хорошее настроение, и теперь, за чаем, все выпили по рюмочке настоящего рома.

Малыш-Бентсен впал в такое блаженное состояние, что помчался наверх в свою каморку и принес стихи собственного сочинения, которые записывал на клочках бумаги – на обороте старых тарифов и счетов.

Он стал читать их вслух, а Бай хохотал и хлопал себя по животу. Катинка улыбалась, кутаясь в шаль, подаренную Хусом.

Под конец фрекен Иенсен заиграла тирольский вальс, и Бентсен не без некоторой робости юркнул на кухню и закружил Марию– да так, что она только взвизгивала.

Фрекен Иенсен собралась уходить, и все стали будить Бель-Ами. Мопса никакими силами было не поднять с подстилки. Когда фрекен Иенсен отвернулась, Бай наступил мопсу на обрубок хвоста.

Бентсен предложил проводить фрекен Иенсен. Но старуха, как огня боявшаяся темноты, отказалась наотрез и пожелала идти одна.

Фрекен Иенсен не хотела, чтобы кто-нибудь видел, как она несет мопса на руках.

Все проводили ее до калитки и, стоя у изгороди, несколько раз прокричали ей вслед: «Счастливого Рождества!».

Бель-Ами стоял, поскуливая, посреди заснеженной дороги и не трогался с места.

Убедившись, что все вернулись в дом, фрекен Иенсен наклонилась и взяла мопса под мышку.

Фрекен Иенсен шествовала в рождественскую ночь домой, закутанная, как эскимоска.

Катинка распахнула окна в гостиной, – в комнату ворвался холодный воздух.

– Вот ведь старое чучело, – сказал Бай. Он был исполнен человеколюбивого самодовольства оттого, что фрекен Иенсен провела этот вечер у них в доме.

– Бедняжка, – сказала Катинка. Она стояла у окна и глядела вдаль на белые поля.

– Ты что, забыла про свой кашель? – сказал Бай. Он закрыл дверь в спальню.

Бентсен шел по платформе, направляясь к себе в каморку.

– Она все-таки взяла мопса на руки, – сказал Бентсен. Он спрятался за изгородью, чтобы подстеречь эту минуту. – Счастливого Рождества, фру Бай...

– Счастливого рождества, Бентсен.

Двери хлопнули еще раз-другой, и все стихло. Только тихонько гудели телеграфные провода.

Перед тем как идти к обедне, Катинка вышла покормить голубей. Воздух был чист и прозрачен. Из-за леса доносился звон колоколов. Через заснеженные поля по расчищенным тропинкам в церковь гуськом тянулись крестьяне.

Они кучками толпились у церкви, ожидая начала службы, и поздравляли друг друга с праздником. Женщины подавали друг другу кончики пальцев и что-то говорили шепотком.

А потом снова стояли молча, покуда не подходила новая собеседница.

Супруги Бай немного запоздали– церковь была уже полным-полна. Катинка кивнула Хусу, стоявшему у самых дверей: «С праздником», – и прошла на свое место.

Она сидела рядом с дамами Абель, как раз позади семьи пастора.

«Птенчики» Абель утопали в кисее и замысловатых оборках.

По большим церковным праздникам во время обряда пожертвования фру Линде была начеку. На деньги от пожертвований да еще на выручку от продажи молочных телят она «одевала» себя и дочь.

Но фрекен Линде никогда не ходила в церковь в дни «пляски вокруг носового платка».

Зазвучали старинные рождественские псалмы, – понемногу все стали подтягивать, и стар и млад. Голоса торжественно и радостно отдавались под сводами. Зимнее солнце заглядывало в окна, освещая белые стены. Старый пастор говорил о пастухах в поле и о людях, чей Спаситель

родился в этот день, – говорил простыми обыденными словами, и от этих слов на его паству нисходил какой-то бесхитростный покой.

Катинка все еще была под обаянием этого торжественного настроения, когда длинная вереница прихожан потянулась к алтарю с пожертвованиями. Мужчины шли, тяжело ступая по каменным плитам, и возвращались на свои места все с теми же застывшими лицами.

Женщины плыли к алтарю, краснея и смущаясь, и неотрывно глядели на носовой платок пастора, приготовленный для пожертвований.

Пасторша не спускала глаз с рук, тянувшихся к алтарю.

Фру Линде недаром тридцать пять лет была женой пастора, – бесчисленное множество раз присутствовала она на обрядах приношения. Она по рукам угадывала, кто сколько пожертвовал...

Те, кто жертвовал мало, и те, кто жертвовал больше, по-разному вынимали руки из кармана.

Фру Линде прикинула на глаз и решила, что нынешнее рождество принесет средний доход.

У выхода из церкви супруги Бай встретили Хуса. Все полной грудью вдыхали свежий воздух и наперебой поздравляли друг друга с рождеством.

Показался пастор с завязанным в узелок носовым платком – начались поклоны и приседания.

– Ну что ж, фрекен Иенсен, поздравим друг друга с Рождеством Христовым, – сказал старый пастор.

Катинка вышла за церковную ограду вместе с Хусом. Бай немного отстал, заговорившись с Кьером. Катинка и Хус пошли по дороге вдвоем.

Солнце искрилось на белоснежных полях; на усадебных флагштоках в прозрачном воздухе реяли национальные флаги.

Прихожане группами расходились по домам.

В ушах Катинки еще звучали рождественские псалмы, и все было окрашено какой-то праздничной радостью.

– Чудесное Рождество, – сказала она.

– Да, – ответил он, вложив в это «да» всю свою убежденность. – И как хорошо говорил пастор, – добавил он немного погодя.

– Да, – отозвалась Катинка, – очень хорошая проповедь. Они прошли еще несколько шагов.

– А ведь я еще не поблагодарила вас, – вдруг сказала Катинка. – За шаль...

– Не стоит благодарности.

– Очень даже стоит... я так обрадовалась. У меня была почти такая же, но я ее прожгла...

– Я знаю... Она была на вас в день моего приезда.

Катинка хотела было спросить: «Неужели вы запомнили?» – но не спросила. И сама не зная почему, вдруг вспыхнула и тут впервые заметила, что оба они молчат и не знают, о чем заговорить.

Они дошли до леса, церковные колокола звонили вовсю. Казалось, в этот день колокола никогда не умолкнут.

– Останьтесь у нас, – сказала Катинка, – не нарушайте праздника.

Они стояли на платформе, поджидая Бая, и слушали колокольный звон.

Хус пробыл у них до самого вечера.

Бай уселся за стол, сиявший белоснежной камчатной скатертью и хрусталем, и сказал:

– Славно побыть дома, в кругу семьи. Малыш-Бентсен воскликнул:

– Еще бы! – И рассмеялся от удовольствия.

Хус ничего не сказал. Сидит, молчит, а глаза улыбаются, – говорила о нем Катинка.

И весь день в доме царила тихая радость.
Вечером затеяли партию в вист. Четвертым был Малыш-Бентсен.

...В доме пастора подсчитывали пожертвования. Фру Линде была разочарована. Доход оказался много ниже среднего.

– Как ты думаешь, Линде, почему это? – спросила она. Пастор молча разглядывал кучу мелочи.

– Почему? Должно быть, люди думают, что мы можем жить, как полевые лилии.

Фру Линде помолчала и в последний раз принялась пересчитывать немногие бумажные кроны.

– Да еще содержать семью, – заключила она.

– Матушка, – сказал старик Линде, – будем благодарны и за то, что у нас покамест еще есть церковная десятина.

Пасторская дочь и капеллан резвились в гостиной, опрокидывая мебель: они затеяли игру в крокет.

– Не хочется попадаться на глаза матери, – сказала фрекен Агнес. – В дни церковных приношений в ней разыгрываются самые низменные инстинкты.

2

Рождественские праздники продолжались.

Катинке казалось, что уже давным-давно, с тех пор как она покинула родительский дом, она не проводила рождество так радостно и по-домашнему уютно. И не потому, что его отмечали как-то особенно, иначе, чем всегда: один раз они с Баем побывали у Линде, там был Хус и еще кое-кто из соседей, в другой раз фрекен Линде и капеллан зашли к ним вечером с Кьером и Хусом. Сестры Абель явились на станцию к вечернему поезду, их тоже пригласили на огонек. А после ухода восьмичасового поезда затеяли танцы в зале ожидания и сами себе подпевали.

Ничего необычного в этом не было. Но все светилось какой-то особенной радостью.

Единственный, кто немного «портил дело», был Хус. Он теперь часто ни с того ни с сего вдруг впадал в странную задумчивость.

– Хус, вы спите? – спрашивала Катинка. Хус резко вздрагивал на своем стуле. Радость, царившая в доме, передалась и Баю.

– Черт возьми, вот что значит хорошая погода, – говорил он, стоя на платформе после ухода вечернего поезда. – В последнее время я чувствую себя преотлично, – ей-ей, преотлично...

Даже самые их супружеские отношения как бы помолодели. Не то чтобы в них появилась страсть или пылкость, но просто большая близость и теплота.

Наступил канун Нового года, было недалеко до полночи. Супруги Бай сидели в гостиной, собираясь встретить Новый год.

Вдруг за дощатым забором раздался оглушительный грохот.

– Фу, черт! – сказал Бай. Они играли с Бентсеном в «тридцать шесть», и оба вздрогнули. – Петер не пожалел пороха.

В окно постучали, раздался голос Хуса: «С наступающим!»

– Черт возьми, да это Хус, – сказал Бай и встал.

– Я так и подумала, – сказала Катинка. Сердце у нее все еще колотилось от испуга.

Бай пошел открывать. Хус приехал в санях.

– Да заходите же, – сказал Бай, – пропустим по рюмочке ради праздника.

– Добрый вечер, Хус. – Катинка вышла на порог. – Заходите же, выпейте с нами.

Они привязали лошадь Под навесом склада. Катинка дала ей хлеба.

Потом они встретили Новый год и решили дожидаться курьерского поезда. Он проходил в два часа ночи.

– Поиграй нам, Тик, – сказал Бай.

Катинка заиграла польку, Бай подтягивал басом.

– Недурно мы когда-то отплясывали, верно, Тик? – И он пощекотал шею жены.

Они вышли на платформу. Небо было облачным впервые за много дней.

– Будет снегопад, – сказал Бай.

Он взял пригоршню мягкого снега и бросил в лицо Малышу-Бентсену. И все стали играть в снежки.

– А вот и поезд! – сказал Бай. Раздался отдаленный гул.

– Тьфу, черт, тьма хоть глаз выколи, – сказал Бай. Гул приближался. Вот состав покатил по мосту. Маленький огонек становился все больше, и наконец из темноты с громоподобным вынырнул поезд, похожий на гигантского зверя с горящими глазами.

Пока поезд с грохотом мчался мимо, все четверо стояли молча. От паровоза валил пар, свет из вагонов бежал по снегу.

Поезд пыхтя исчез в темноте.

– Что ж, – сказала Катинка. – Вот и новый год начался. Они помолчали.

Она прижалась к мужу и потерлась виском о его щеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.